

Рейчел Кадис

ВЕС ЧЕРНИЛ

Роман

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К13

Rachel Kadish
THE WEIGHT OF INK
Copyright © Rachel Kadish, 2017
All rights reserved

Издательство выражает благодарность литературному агентству
Andrew Nurnberg Literary Agency за содействие в приобретении прав.

Перевод с английского Ильи Светлова
Серийное оформление Александра Андрейчука
Оформление обложки Александра Андрейчука
Иллюстрация на обложке Дины Климовицкой

Кадिश Р.

К13 Вес чернил : роман / Рейчел Кадिश ; пер. с англ. И. Светлова. —
М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. — 608 с. — (Сага).

ISBN 978-5-389-26125-9

Действие романа разворачивается в Лондоне 1660-х годов и в начале двадцать первого века; в нем переплетаются истории двух женщин: Эстер Веласкес, беженки из Амстердама, ставшей писцом у слепого раввина незадолго до нашествия на Лондон чумы, и профессора Хелен Уотт, которая, несмотря на возраст и слабое здоровье, все еще горит страстью к истории. Когда бывший студент приглашает Хелен осмотреть тайник со случайно обнаруженными документами семнадцатого века, она привлекает в качестве помощника Аарона Леви, нетерпеливого, но обаятельного аспиранта из Америки, и приступает к последнему в своей научной карьере проекту: установить личность загадочного писца, подписывающегося лишь одной буквой «алеф». Несмотря на то что героинь разделяют столетия, обе должны сделать нелегкий выбор и пойти на жертвы, чтобы примирить жизнь сердца и разума.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-26125-9

© И. М. Светлов, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

И если перечтешь ты мой сонет,
Ты о руке остывшей не жалея.

*Уильям Шекспир. Сонет 71*¹

¹ Пер. С. Маршака. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Ричмонд, Суррей

8 июня 1691 года

11 сивана 5451 года

Позвольте, я все же начну заново. Возможно, на этот раз я буду более откровенна. Ибо язвительная немота бумаги, которая могла бы сказать правду, обратилась ложью.

Я не выгораживаю себя и не испытываю угрызений совести, но то, что я пишу сейчас, — это хоть какая-то возможность покаяться пред тем, кого я некогда предала.

В тишине этого дома перо и чернила не чинят препон руке моей и бумага не мнется. Пусть же передаст она истину, хотя записок этих никто и не прочтет.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лондон

2 ноября 2000 года

Она села за свой рабочий стол.

День выдался погожим, но холодные лучи солнца, что пробивались сквозь окно ее кабинета, действовали на нервы. Будь она помоложе — вышла бы на улицу в расчете согреться вопреки здравому смыслу.

Триумф надежды над опытом — но она давно уж отказалась от подобных иллюзий.

Неспешно перебрала она книги, что лежали на столе. Открытое издание «Утешений» Самуила Уске было покрыто толстым слоем пыли. Она провела по странице рукой и закрыла книгу.

Уже полвторого, а этот американец все не звонит. Ну как так — ведь Дарси сказал про этого своего аспиранта, что он — самое большое его открытие, талантище, а вот ведет себя как школьник. А Дарси был одним из немногих ее коллег, которым можно было доверять. Когда они последний раз разговаривали по телефону, он пообещал, что Леви поможет с документами. Рад, мол, ненадолго одолжить его вам: парень довольно-таки амбициозен, что, впрочем, типично для американца; твердит, что история может изменить этот мир, но даже вы, думаю, сможете выдержать три дня.

Вспоминая недавний разговор, Хелен слегка усмехнулась: хорош Дарси! «Даже вы»! До сих пор считает, что она способна кому-то противостоять...

Конечно, трех дней вряд ли будет достаточно для настоящей экспертизы. Но уже хоть что-то — на самом деле Хелен не имела права и на это. Хорошо хоть, Истоны не знали порядков, а то бы со смехом выставили Хелен из дому, когда она сказала, что ей требуется дополнительный доступ к документам. Сидя за темным деревянным столом напротив Иэна и Бриджет Истон, она не осмелилась попросить больше. Солнечные лучи косо падали на их ухоженные руки, переплеты высоких сводчатых окон отбрасывали длинные тени, стекла играли бриллиантовыми искорками... и мысли Хелен мешались от того, что она успела мельком увидеть.

Консультация вроде вчерашней не была чем-то из ряда вон выходящим. Иногда люди выкапывают старые документы у себя на чердаках или на дне старых унаследованных сундуков и, если им не приходит в голову обратиться в совет по древностям, просто звонят на исторический факультет университета.

Однако тот, кто позвонил вчера, попросил к телефону Хелен Уотт. Он представился как Иэн Истон. Это имя ничего не говорило Хелен, хотя Иэн сказал, что много лет назад учился у нее.

— Понимаете ли, — извиняющимся тоном начал Истон, — моя жена унаследовала от тетки дом конца семнадцатого века. Изначально мы планировали отремонтировать его и открыть в нежилых помещениях частную галерею, а самим поселиться на верхнем этаже. Разумеется, эта идея целиком и полностью принадлежит жене, так как эстетического чутья у меня ноль. А вот она сразу поняла, что можно было бы сделать, если совместить высокое современное искусство и интерьеры семнадцатого века. Хотя, к сожалению... — тут Истон протянул паузу, а затем осторожно продолжил: — Были некоторые заминки. Года на два. В Ричмонде трудно получить разрешение на ремонт здания, внесенного в список объектов архитектурного наследия. — Неловкий смехок, как бы из страха обидеть Хелен. — Нет, я не хочу сказать, что осторожность местных властей в таких вопросах чрезмерна. Они просто выполняют свою работу. Но похоже, что тетка жены, к моему сожалению, потратила немало лет, чтобы восстановить против себя некоторых членов муниципального совета. Так вот,

наконец мы получили все необходимые согласования. Пригласили электрика, чтобы тот посмотрел проводку. А это парень через четверть часа взял и ушел. Потом звонит мне и говорит, что обнаружил какие-то бумаги с текстом на арабском языке и теперь нужно проверить здание на предмет спрятавшихся имамов или, может быть, террористов, ему все равно. И пока я не решу этот вопрос, он будет работать на другом объекте. Вероятно, он не обратил внимания, что этим бумагам более трехсот лет. Я посмотрел, и мне показалось, что написаны они на еврейском — что-то, адресованное раввину... Вроде из Испании. Ну... — голос Истона неловко дрогнул, — вот я вам и позвонил.

Прижав трубку плечом к щеке, Хелен постаралась потянуть время. На мониторе ее компьютера вот уже час мигал курсор в середине абзаца, который она правила. Никогда еще работа не казалась ей такой скучной. Но последнее время именно так и было, и то, что некогда трогало ее за душу, теперь словно бы утекало в небытие. То и дело в сознании вспыхивали иные искры, как будто высеченные ударами молота. Вспышки озаряли пространство памяти: жаркая пустыня, мягкий стук закрывающейся двери сарая; ноздри наполняются запахами, от которых на мгновение кружится голова. Но, слава богу, искры гаснут, не успев разгореться по-настоящему.

Хелен поправила стопку книг на столе.

— Наверное, в понедельник.

— Дело в том, — тут голос Истона стал еще более тревожным, — что я хотел бы попросить вас приехать сегодня. Мы потратили уйму времени, чтобы найти электрика, и нам не хотелось бы, чтобы он ушел на другой объект. Да и бумаги почти истлели — чувствую, зря он их трогал.

Говоря по правде, Хелен вполне могла потратить на это дело пару-тройку часов. В тот день у нее ничего не получалось, хотя оставалось лишь отредактировать уже написанное, а эту работу она пообещала себе закончить до выхода на пенсию. Хелен занималась сбором скудных свидетельств о распаде еврейской общины в Лондоне во время эпидемии чумы в 1666 году. Их раввин бежал из Англии в самом начале поветрия, те, кто посостоятельнее, уехали из города; еврейские фамилии почти пропали из учетных книг записи населения, пока через несколько лет община

не восстановилась уже под новым руководством. Так что все это вполне могло подождать и до вечера.

И все же Хелен колебалась, расспрашивая Иэна Истона о подробностях истории его дома. Согласившись наконец на его просьбу, она все же дала понять, чтобы тот не очень-то рассчитывал на ее интерес к каким-то найденным у него под лестницей манускриптам.

Итак, предстояла короткая поездка в Ричмонд. Хелен отправилась туда, смутно ощущая, что именно это ей и следует сделать — воспользоваться шансом выбраться на улицу в ясный день. Пока это еще возможно.

Она села за руль. Ключи так тряслись, что Хелен пришлось прихватить связку обеими руками, чтобы найти ключ зажигания. В замок она попала лишь с третьего раза. Да, денек явно не задался.

Через двадцать минут она уже припарковала машину в Ричмонде и пошла по наполовину ушедшей в землю каменной дорожке. Едва ее взору открылся дом Истонов, Хелен невольно замедлила шаги.

Когда Иэн Истон сказал, что здание было построено в конце семнадцатого века, Хелен несколько усомнилась. В этом районе домов семнадцатого века было совсем немного, и все они были на учете вплоть до последнего выветренного своего кирпича.

Но в данном случае сомнений быть не могло. Освещенный холодным послеполуденным светом, дом настолько отличался от соседних строений, что казался среди них отверженным. Украшенные орнаментом карнизы, резные вставки из кирпича с закругленными гранями на фасаде и даже выложенная мелким булыжником дорожка, что вела к массивной входной двери, — особняк явно подражал тем немногим усадьбам семнадцатого столетия, которые еще сохранились в этом районе, хоть и уступал им в масштабе. Но все-таки здание явно было построено в ту же эпоху человеком явно небедным и имевшим положение в обществе. Также Хелен теперь легко могла понять, почему дом, в отличие от некоторых его современников, никому не известен и не является местной достопримечательностью. Каким бы великолепием он ни блистал в семнадцатом веке, теперь, благодаря небрежности хозяев и неумело произведенному некогда ремонту,

дом пришел в упадок, к тому же слева от главного входа портила вид нелепая пристройка, созданная скорее в викторианском духе, нежели в стиле английского барокко. На шифере кровли виднелся кусок алюминиевого листа, которым, вероятно, когда-то заделали протечку. Телефонные и электрические провода вились, словно плющ, по фасаду, нарушая строгие линии многостворчатых окон.

Она подошла к двери; трость ее скользила по неровным камням. От непривычной нагрузки дыхание участилось, и Хелен замедлила шаг, чтобы успокоиться. В узком окне рядом с дверью она заметила отражение собственной сгорбленной фигуры. Хелен наклонилась ближе, и изображение покрылось рябью, словно на темной поверхности ручья: бледная стареющая преподавательница в старомодном костюме, тяжело опирающаяся на трость.

Хелен дотронулась до прохладного кирпича рядом с окном. Словно профессиональный взломщик, она глянула сквозь стекло, и оно затуманилось от ее дыхания. Когда мутное пятно исчезло, Хелен смогла различить темный атрий. Стали проступать поначалу неясные, но затем все более отчетливые детали интерьера. Она судорожно вздохнула. Перемышку над дверным проемом украшали резные херувимы. Они же виднелись над темным камином в гостиной. Половина дворцов и поместий семнадцатого века, которые еще сохранились в Суррее, имели точно такой же орнамент, хотя имя мастера-резчика давным-давно затерялось в веках.

Хелен выпрямилась и взялась за холодный железный молоток. Солнечный свет щедро заливал все вокруг — дверь, мраморный порог, рукав шерстяного пальто, и только тяжелый металл молотка и тонкая рука Хелен не воспринимали тепло лучей.

Звук от удара молотка отразился от полотна старой двери и заглух. Наступившая тишина — так свойственная любому старому дому — заставила Хелен на мгновение испытать знакомое чувство: как будто снова встретилась со своим бывшим возлюбленным, который некогда познал ее вплоть до последнего дюйма, а теперь делает вид, что не знаком с нею.

Дверь открыл высокий блондин с аккуратной прической.

— Профессор Уотт! Вы даже не представляете, как мы вам благодарны, честное слово!

Несколько натянутое приветствие Иэна Истона отозвалось эхом в напоминавшем вход в пещеру холле, однако Хелен даже не слушала его. Иэн жестом пригласил ее войти. Резное дерево, высокий потолок, обрамляющий выход на балкон со второго этажа, картины в коробках, сложенные на каменном полу... Запах свежей краски.

— Я был когда-то вашим студентом, — продолжал Иэн, хмуря брови, — но, само собой, вы меня не помните.

По крайней мере, он проявил такт, избавив ее от необходимости говорить на эту тему. Иэн провел Хелен вперед, в холл, умеряя свой шаг, чтобы не обгонять даму.

— Прошу извинить за беспокойство — ведь у вас наверняка есть и более важные дела.

Хелен остановилась. Над ее головой нависала широкая притолока. Резные херувимы с безмятежными отрешенными лицами выстроились, словно часовые.

Иэн остановился рядом и, выдержав почтительную паузу, продолжил свои объяснения. Когда он увидел то, что принял за еврейский текст, то сразу вспомнил о ней и ее опыте в этой области. Так что, если Хелен могла бы посоветовать, что делать с этими бумагами, он был бы весьма ей признателен, так как...

Даже покрытые пылью, гладкие щеки херувимов сияли выражением детской мудрости.

Иэн продолжал говорить, но дом говорил громче — он почти оглушал Хелен. Ей вдруг пришла в голову мысль, что, возможно, стоит постараться найти общий язык со своим бывшим студентом.

Она заставила себя повнимательнее взглянуть на этого небрежно, но хорошо одетого мужчину, который, разговаривая с ней, подавался вперед, словно все еще стараясь заслужить одобрение преподавателя.

— Дело в том, — продолжал Иэн, — что нам пришлось потратить немало времени для получения согласования. И теперь любая новая задержка...

Наткнувшись на пристальный взгляд Хелен, Иэн умолк и повлек ее к резной парадной лестнице. Хелен успела рассмотреть полированное дерево массивных перил и богато украшенные резбой боковые панели; на площадке второго этажа резьба становилась более изысканной, — но Иэн провел ее мимо лестницы, обогнув основание, и они оказались в просто отделанном помещении,

окно которого выходило на сторону, противоположную парадному входу.

У окна на карточном столике лежала книга в потрескавшемся кожаном переплете, а рядом с ней два листа, о которых Иэн и рассказал по телефону: это и было то, что электрик вытащил из-под лестницы.

Хелен взглянула на страницы из плотной бумаги, не осмеливаясь прикасаться к ним. Она присмотрелась — слева направо шел текст на португальском, местами прерываемый, словно на контрапункте, текстом на иврите, шедшим в обратном направлении.

Хелен не спеша прочитала написанное, затем перечитала еще раз.

— Вон там, — произнес Иэн и указал рукой.

Она подняла глаза. В темном углу у самого основания лестницы, куда не попадал ослепительный свет из огромных окон лестничной площадки, виднелась небольшая взломанная панель. Иэн предложил ей помощь, но Хелен не обратила на него внимания. Она приблизилась к вскрытой панели. Затем медленно, словно кающийся грешник, опустилась на колени, едва не сломав трость.

Хелен долго стояла так, прижав ладони к холодному полу. На нее вдруг навалилась великая тяжесть, будто каждый прожитый ею год обрел физический вес. Какое-то время она просто смотрела на забитые полки, почти не дыша. Понимая, что этого делать не следовало бы, Хелен все же протянула дрожащую руку и потянула на себя один лист.

Всего лишь одно мгновение... Удивительно, но страница, целая и невредимая, уже покоилась у нее на ладонях, словно доверчивая птица.

— А, вы уже здесь! — раздался вдруг звонкий голос, сопровождаемый стуком каблуков по каменному полу.

— Моя жена Бриджет, — сказал Иэн.

Хелен с трудом поднялась и пожала протянутую ей гладкую руку, унизанную кольцами. Затем хозяева проводили ее из продуваемого сквозняком холла в небольшую комнату с высоким потолком. Иэн ненадолго исчез и вернулся с чайником. Все уселись за массивный деревянный стол напротив трех залитых солнечными лучами

окон — каждое из них было почти в человеческий рост. Старинные литые стекла превращали небольшой, обнесенный забором двор в яркий импрессионистский пейзаж, отчего у Хелен рябило в глазах. За столом повисла неловкая пауза, и Хелен смогла повнимательнее разглядеть чету Истонов. Бриджет и Иэн... Две светлых шевелюры — у Бриджет волосы расчесаны на прямой пробор и ниспадают на плечи, Иэн же начинает потихоньку лысеть. Оба одеты очень хорошо, по-деловому. Молодые еще, немного за тридцать, но вокруг уголков рта и глаз у обоих обозначились едва заметные морщинки. Смаргивая от резкого запаха краски, они сидели спиной к дверям, за которыми виднелась темная резная лестница.

— Разумеется, — произнес наконец Иэн, — мы хотим, чтобы все было сделано в соответствии с требованиями законодательства.

Хелен медленно кивнула.

— Однако мы никак не рассчитывали на такую загвоздку. Хотя после того, что нам пришлось претерпеть...

— Как вы думаете, — вмешалась Бриджет, — когда можно будет убрать эту генуцу?

— Генизу, — поправила ее Хелен. — Я объяснила Иэну еще по телефону, что мы пока не знаем, что у вас хранится на самом деле. Все, что нам известно, — некоторые документы написаны на иврите. Что-то вроде, — тут она глубоко вздохнула, стараясь придать своему голосу безразличное звучание, — что-то вроде переписки двух раввинов семнадцатого века.

— Да, — мелодично рассмеялась Бриджет. — Тетя говорила мне, что в семнадцатом веке в этом доме жили евреи. И это подтверждено документально. Но раввины?

Хелен обратила внимание на то, что Бриджет обладает гибким телом танцовщицы. Кроме того, она никак не могла сидеть спокойно и постоянно как бы вкручивалась в свое кресло.

— Пока еще доподлинно неизвестно, — с расстановкой сказала Хелен, — жили ли здесь раввины. Документы могли перенести сюда из другого места. А когда мы сможем забрать отсюда бумаги, чтобы вы смогли закончить ремонт, зависит от их состояния. Нужно провести экспертизу, чтобы выяснить, можно ли их перемещать.

Бриджет коротко мотнула головой — мол, это неприемлемо.

— Понимаете, моя тетя отказалась от предложения включить этот дом в маршрут пешеходных экскурсий, и совет по древностям Ричмонда это запомнил. Мы хотели закончить ремонт больше года назад, но совет препятствовал нам буквально на каждом шагу. Даже самое простое согласование занимало несколько месяцев. Да мы и не собирались ничего тут серьезно перестраивать.

Бриджет пренебрежительно махнула рукой и продолжала:

— Но, видно, они там еще до сих пор не отошли от истерики, когда в двадцатых годах бульдозерами снесли Орлеанский дом.

— Ну конечно, их озабоченность можно понять, — вставил Иэн, — ведь всем нам дорога местная история.

Бриджет в накрахмаленной белой блузке и прозрачном зеленом шарфике, повязанном вокруг шеи, поджала губы и наклонилась вперед, чтобы подлить чаю. В наступившей тишине отчетливо зажурчала янтарная струя.

— Моя тетя жила одна и так ни разу и не обновила здесь краску. Чтобы привести этот дом в более или менее презентабельный вид, нам потребовалась масса времени и труда. Еще одна задержка на этом этапе — и...

Бриджет на мгновение перестала помешивать чай. Ее узкое запястье, обвитое зеленым, как бутылочное стекло, браслетом, изогнулось, а маленькая ложечка замерла в воздухе, словно Бриджет пыталась подобрать слова, которые предостерегли бы Хелен от попыток помешать ее планам.

— И это будет весьма прискорбно, — закончил за нее Иэн.

Бриджет метнула в его сторону многозначительный и недовольный взгляд.

И тут Хелен наконец вспомнила его — Иэн Истон, больше похожий на мальчишку, чем на юношу, долговязый, никак не уместившийся за столом, который был слишком низок для него. Он происходил из довольно состоятельной семьи, был приветлив, пользовался вниманием товарищей, неплохо играл в футбол. Иэн был достаточно умен для средней школы, но для университета уже не годился. И тем не менее, отметила Хелен, он все же старался прилежно учиться, хотя никакого таланта у него и в помине не было.

На полках позади четы Истонов стопками лежали книги с выгоревшими на солнце корешками. Если бы за ними правильно ухаживали, эти издания могли бы стоить неплохих денег. Там и тут валялись журналы о дизайне интерьеров с изображениями однотонной мебели или ярких абстрактных картин. Один из длинных стеллажей был завален потрепанными книгами в мягких обложках, явно принадлежавших тетке Бриджет, — Хелен подумалось, что их скоро вынесут на помойку.

В кругу, к которому принадлежали родители Хелен, с детства приучались мгновенно определять социальное положение незнакомцев, и она не могла отрицать, что иногда это умение бывало полезным. Она сразу увидела, что Бриджет происходит из семьи «старых денег», но обедневшей, которая, как догадывалась Хелен, принимала в муже все, за исключением (но об этом речь заходила только после пары стаканов) его, безусловно, невысокого происхождения. Скорее всего, на словах они придерживались довольно-таки либеральных взглядов, но на деле вряд ли хоть на минуту забывали о своих привилегированных предках.

Хелен чувствовала, что, несмотря на намерение открыть художественную галерею, Бриджет вряд ли делает это ради искусства как такового. Скорее всего, ей просто хотелось привнести в этот дом некоторую изысканность, а быть может, ее интересовал доход, который принесет выставочный зал в интерьерах семнадцатого века. Но и тут Хелен сомневалась в том, что открытие коммерчески успешной галереи принесет успокоение в душу Бриджет Истон.

Иэн и Бриджет казались ей совсем детьми — то ли из-за высоких окон, то ли из-за того, что она чувствовала себя смертельно уставшей. Вот они сидят за узким столиком на первом этаже своего дома, своего долгожданного наследства, даже не подозревая, что истинным сокровищем могут оказаться как раз те самые бумаги, от которых они так стремятся избавиться.

— Начну с того, что я пока могу лишь догадываться о происхождении тех бумаг, что нашел ваш электрик под лестницей, — произнесла Хелен.

При этих словах лицо Бриджет напряглось, но педантичный тон Хелен звучал в тот момент как нельзя более уместно. Хелен начала с самой сути: четвертая библейская заповедь — да, та самая: «Не поминай имя Господа всуе» — с древних времен

понималась в еврейских общинах как запрет уничтожать любой документ, содержащий упоминание о Боге. Такие бумаги подлежали захоронению, совсем как человек (при упоминании древних времен у Истонов остекленели глаза, но Хелен давно привыкла к такой реакции). И синагоги, и религиозные общины складировали устаревшие и обветшавшие документы в специальные хранилища, называемые «гениза», и держали их там до тех пор, пока не представлялась возможность захоронения. Самые богатые генизы могли содержать не только тексты религиозного характера, но и вполне светские документы: письма, бухгалтерские книги... Вообще, туда мог попасть любой документ, если учесть еврейскую традицию начинать со слов «С помощью Божией».

— Чай не слишком горячий? — осведомилась Бриджет.

Не отнимая ладони от колена, Хелен сухо улыбнулась:

— Ничего, скоро остынет.

Как будто именно горячий чай не позволял ей поднести чашку к губам, а не уверенность, что вид ее дрожащих рук выдаст все... а Истоны догадаются, что тремор не сколько из-за старости и нездоровья, сколько из-за бешено колотящегося сердца, которое давно уже так не билось.

Повысив голос ровно настолько, чтобы он звучал твердо, Хелен продолжила свою лекцию. Бриджет почтительно притихла.

Слышали ли они что-нибудь о каирской генизе, которая хранит в себе свидетельства о повседневной жизни еврейской диаспоры более чем тысячелетней давности? Хотя эта гениза была открыта в девяносто шестом году девятнадцатого века, ученые до сих пор исследуют содержащиеся в ней документы, не подпуская к ним посторонних (тут Истоны закивали головами — ну ни дать ни взять два школьника-лоботряса, получившие нагоняй). Хелен продолжала говорить, понимая, что берет над ними верх, что ей ни в коем случае нельзя сейчас давать слабину. Она заметила, что Истонам очень повезло обнаружить хранилище, будь то гениза или еще какой способ хранения, в самом доме, а не в сыром подвале или на прокаленном солнцем чердаке. Бумага, изготовленная на льняной основе, пояснила она, куда как более долговечна, чем современная, которую выделывают из древесной массы, содержащей кислый лигнин, фатально влияющий на срок хранения.

Истоны бегло обменялись взглядами, словно оценивая пожилую голубоглазую ученую, которую они вызвали — возможно, напрасно — прямо из университета и которая, неподвижно сидя за столом, теперь читает им лекцию о хранении документов. Руки сложены на коленях, к чаю так и не притронулась.

— Значит, вы собираетесь передать бумаги в вашу общину?

Истоны пристально смотрели на нее.

— Я не еврейка, — сказала она сухо.

Реакция хозяев дома показалась Хелен очевидной до нелепости. Тонкие морщинки вокруг рта разгладились, сложенные на столешнице руки расслабились, длинное тело Бриджет несколько вальяжно откинулось на спинку стула. Впрочем, Хелен не винила ее. Истоны явно полагали, что ее специализация в еврейской истории означает, что она сама еврейка. Теперь стало понятно, что скрывалось за предупреждающими взглядами Бриджет, которые та метала в сторону мужа. Хелен представила, как та в течение часа, прошедшего после звонка Иэна в университет, проедала своему благоверному плешь. Их же наверняка предупредили, что если информация о находке дойдет до еврейской общины, то жизнь в этом доме станет невыносимой. Можно себе представить: вот, не приведи бог, в дверь постучат американские туристы еврейского происхождения, чтобы только посмотреть. Или еще хуже — израильтяне, которые в свое время в Украине, не тратя время на разглядывание, просто демонтировали фрески убитого нацистами Бруно Шульца и переправили их контрабандой в Израиль. А работники Ричмондского совета по древностям хотя и бывают несколько надоедливыми, но все же действуют в рамках закона.

Нет, не то чтобы евреи поступали иначе...

Хелен молчала, выжидая. Через несколько мгновений выражение облегчения на лицах Истонов сменилось недоумением, что, впрочем, Хелен не удивило. Супруги словно вопрошали ее: зачем же она потратила столько времени, сидя у них за столом? И что вообще подвигло пожилую женщину нееврейского происхождения обратиться к иудайке?

— Так, может быть, нам лучше связаться с еврейской общиной, чтобы они разбирались с этими бумагами? — спросил наконец Иэн.

— Нет! — выпалила Хелен, не сумев сдержаться.

К счастью, ей хватило выдержки не добавить: «Бумаги мои!»

Хелен машинально поднялась из-за стола, словно пытаясь стряхнуть с себя чувство стыда — ведь Истоны могли подумать о ней бог весть что, обвинив в мелочности, христианской нетерпимости, в желании стать единоличной обладательницей древних документов.

Истоны тоже встали.

— Я хотела сказать, — произнесла Хелен, — что эти бумаги принадлежат как вам, так и мне — это же наша общая английская история. Им место в университете.

Ей никто не возразил.

— Я незамедлительно поставлю в известность декана факультета, и мы сможем начать оформлять приобретение этих бумаг. Наш заведующий библиотекой с вами свяжется. И, конечно, вам заплатят за находку, — добавила Хелен.

Лица Истонов не выражали ровным счетом никаких эмоций, хотя Бриджет слегка покраснела. Ее муж вряд ли думал о деньгах, но Бриджет явно заинтересовал вопрос: сколько?

Хелен встретила взглядом с Изном. Да, у него холеные руки и стильный костюм, но выглядит он человеком прямолинейным.

— Самое главное — все сделать как следует, — сказал он. — И как можно скорее забрать отсюда документы, чтобы мы смогли продолжить ремонт.

Хелен кивнула и заметила:

— Чтобы наш университет быстрее одобрил сделку, прошу дать мне три дня на первичную экспертизу — здесь, на месте. Не хотелось бы рисковать и сразу перевозить старинные бумаги. Тем более что это дело специалистов.

Хелен показалось, что Бриджет выглядит немного раздраженной.

— Обещаю, что без вашего разрешения отсюда не вывезут ни листочка.

Бриджет взглянула на мужа, как бы предостерегая его от ответа.

— Если университет заинтересуется, — осторожно вымолвила Хелен, — то вас, возможно, попросят пригласить независимого оценщика. Может, даже от дома «Сотбис».

Бриджет приподняла брови. Вот как — «Сотбис».

— Принимая во внимание сложившиеся обстоятельства, — продолжала Хелен, — я полагаю, что нам удастся быстро решить эту проблему. В наших архивах хранится большая коллекция документов, относящихся к эпохе Междоуцарствия, и если предположить, что найденные у вас бумаги относятся к тому же периоду, то вполне возможно, что заведующий университетской библиотекой решит вопрос с приобретением достаточно быстро.

Хелен повернулась к Иэну и напустила на себя строгое профессорское выражение:

— Но если вы решите пригласить коллекционеров-любителей, чтобы узнать их мнение, то предупреждаю — документы могут быть серьезно повреждены, что непременно сорвет нашу с вами сделку.

Она повернула голову в сторону Бриджет и встретила ее ясный немигающий взор.

— Это понятно, — произнес Иэн, накрывая своей рукой руку жены.

Та после секундного колебания пожала его огромную ладонь и едва заметно улыбнулась. Следом расплылся в улыбке и Иэн — слова Хелен его явно успокоили.

— То есть нам просто придется немного потерпеть, пока вы не заберете все бумаги, — сказал он. — А это значит, что скоро мы все-таки сможем устроить в доме художественную галерею.

Иэн поцеловал свою супругу в золотистое темечко, и улыбка Бриджет из натянутой превратилась в искреннюю.

Под ослепительными солнечными лучами, лившимися из узорчатых окон, Истоны скрепили соглашение, добавив немного. Им, по сути, было все равно, кому достанутся найденные документы — университету, Британской библиотеке или пусть даже Главному раввинуату Израиля. Зато они могут сказать своим друзьям, что поступили правильно. Они прошли это испытание, хотя их будущей галерее и угрожали две полки, забитые бумагами со странными семитскими текстами. Теперь их ждала награда: не только возможность рассказать эту историю за стаканчиком в доказательство необычности их старого дома, но и, словно в сказке, получить мешок золота за то, что им удалось выполнить неотложную задачу — избавиться от этих чужих реликвий, чьих-то давних

печалей, надежд или молитв, что сиротливо приютились под старинной лестницей.

Да, бумаги... Попрощавшись с Истонами, Хелен села в машину, захлопнула дверцу и прикрыла глаза, позволив недавнему образу заполнить все зрительное пространство. Две неглубокие полки в нише, на которую натолкнулся электрик, набитые бумагами. Все в идеальном порядке, словно в библиотеке. Сложенные страницы, которым более трехсот лет, со сломанными сургучными печатями, аккуратно выровненные по непрошитым листам и по выцветшим от времени кожаным корешкам. И одна грязно-белая страничка, что завалилась в щель, откуда электрик вынул один переплетенный том. Стоя на коленях в темном углу, чувствуя под собою холодные плиты пола, Хелен протянула руку и дотронулась до листка, как будто ее желание прикоснуться к этой бумаге было самой естественной вещью, жаждой, которую непременно нужно было утолить. Одна-единственная страница в ее трепещущих ладонях. Почерк изящный и легкий, чернила выцветшие до коричневого цвета. Португальские и еврейские слова оканчивались высокими характерными арками, которые изгибались над буквами. Завитки над португальскими словами шли справа налево, а над еврейскими — наоборот. Длинные ряды строк ползли вниз по странице подобно гребням волн, что с головокружительной скоростью неслись к берегу.

В глухой тишине кабинета Хелен на мгновение углядела размытое отражение своего лица в стеклянном циферблате часов — резкие вертикальные линии у рта, заострившийся подбородок, натянутые сухожилия на шее, выдававшие привычку питаться наспех или не есть вообще. Щеки, круто ниспадавшие с высоких округлых скул, были бледны и изборождены морщинами.

На доли секунды она увидела свое лицо таким, каким, должно быть, видят его ее более молодые коллеги. Наклонившись вперед, Хелен смотрела, как легкий туман от ее дыхания постепенно застилает стекло.

Когда-то давно это лицо привлекало внимание если не красотой, то чем-то иным.

«Никогда еще не видел такого искреннего лица!» — сказал как-то Дроп.

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

РЕЙЧЕЛ КАДИШ

ВЕС ЧЕРНИЛ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Александр Александров
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 26.07.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 37,24. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т. ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-
Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)



Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru



R-556-35185-01-R